

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 20 статьи 44 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»

город Санкт-Петербург

9 апреля 2024 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, М.Б.Лобова, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

заслушав заключение судьи А.Ю.Бушева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина П.П.Каркачева,

у с т а н о в и л :

1. Гражданин П.П.Каркачев оспаривает конституционность следующих положений статьи 44 Федерального закона от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»:

части 1, закрепляющей, что в Российской Федерации постоянно действующие арбитражные учреждения создаются при некоммерческих организациях; постоянно действующее арбитражное учреждение вправе осуществлять свою деятельность при условии получения некоммерческой

организацией, при которой оно создано, права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, предоставляемого актом уполномоченного федерального органа исполнительной власти в соответствии с этой статьей; международный коммерческий арбитражный суд и Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате Российской Федерации осуществляют функции постоянно действующего арбитражного учреждения без необходимости предоставления уполномоченным федеральным органом исполнительной власти права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения;

части 20, согласно которой лицам, не получившим в соответствии с данным Федеральным законом право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, запрещается выполнение отдельных функций по администрированию арбитража, в том числе функций по назначению арбитров, разрешению вопросов об отводах и о прекращении полномочий арбитров, а также иных действий, связанных с проведением третейского разбирательства при осуществлении арбитража третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (получение арбитражных расходов и сборов, регулярное предоставление помещений для устных слушаний и совещаний и другие); лицам, не получившим в соответствии с данным Федеральным законом право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, запрещается рекламировать, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) публично предлагать выполнение функций по осуществлению арбитража, включая функции по осуществлению арбитража третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора; в случае нарушения вышеуказанных запретов решение третейского суда, в том числе третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора, считается принятым с нарушением процедуры арбитража, предусмотренной этим Федеральным законом.

Арбитражным решением третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора (в составе единоличного арбитра), были удовлетворены требования П.П.Каркачева к гражданке А., с ответчика взысканы задолженность, проценты, пени и штрафы по договору займа, сумма арбитражного сбора, почтовые и нотариальные расходы. Указанным решением также обращено взыскание на предмет залога – долю в праве собственности на недвижимое имущество (квартиру), принадлежащую А. В связи с тем, что арбитражное решение не было исполнено добровольно, П.П.Каркачев обратился с заявлением о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение в суд общей юрисдикции.

Определением Останкинского районного суда города Москвы от 27 февраля 2023 года, с которым согласился Второй кассационный суд общей юрисдикции (определение от 18 мая 2023 года), в удовлетворении заявления было отказано со ссылкой на допущенное при разрешении спора нарушение публичного порядка Российской Федерации. Суд первой инстанции установил, что третейский суд, образованный сторонами для решения конкретного спора, имеет депонированные у нотариуса и размещенные в сети Интернет правила арбитража – регламент, в котором, в частности, определен порядок рассмотрения вопросов об отводе суда. Вместе с тем, как отметили суды, из статьи 44 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» следует, что выполнение отдельных функций по администрированию арбитража (в том числе функций по разрешению вопросов об отводах и о прекращении полномочий арбитров) при осуществлении арбитража третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора, относится к видам деятельности, которыми может заниматься постоянно действующее арбитражное учреждение (при условии, что эти виды деятельности указаны в правилах этого постоянно действующего арбитражного учреждения). Лицам, не получившим в предусмотренном данным Федеральным законом порядке право на осуществление функций

постоянно действующего арбитражного учреждения, выполнение отдельных функций по администрированию арбитража запрещается. Имея в виду изложенное, суды пришли к выводу, что третейский суд, образованный сторонами для разрешения конкретного спора, при отсутствии полученного в установленном порядке права на администрирование арбитража фактически оказывает услуги по администрированию арбитража.

Судья Верховного Суда Российской Федерации отказал П.П.Каркачеву в передаче кассационной жалобы на упомянутые судебные акты для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам этого суда (определение от 18 августа 2023 года).

Заявитель просит признать оспариваемые законоположения противоречащими Конституции Российской Федерации, ее статьям 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 123 (часть 3), в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они не позволяют третейскому суду, образованному сторонами для разрешения конкретного спора, осуществлять отдельные функции по администрированию арбитража (в том числе принимать арбитражные сборы, вести документооборот, иметь собственный регламент разрешения споров) и обязывают такой суд получать в установленном законом порядке право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, в то время как из буквального смысла этих законоположений данные требования не следуют.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует государственную, включая судебную, защиту прав и свобод и одновременно закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статьи 45 и 46). Разбирательство в третейском суде – международном или внутреннем, постоянно действующем либо образованном для разрешения конкретного спора (*ad hoc*) – относится к числу общепризнанных в демократическом обществе способов разрешения гражданско-правовых споров,

проистекающих из свободы договора, которой наряду с автономией воли участников предпринимательской и иной экономической деятельности обусловлены диспозитивные начала гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 года № 10-П и от 3 октября 2023 года № 46-П).

Вместе с тем, допуская образование третейского суда и право сторон гражданско-правового спора на его передачу в третейский суд, Конституция Российской Федерации не предполагает возможности для гражданина, организации по собственному усмотрению выбирать порядок образования и деятельности арбитражных учреждений (третейских судов). В соответствии со статьями 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации данные вопросы находятся в пределах дискреции федерального законодателя и подлежат регламентации федеральными законами. К числу таких законов относится и Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», который регулирует порядок образования и деятельности третейских судов и постоянно действующих арбитражных учреждений на территории Российской Федерации, а также арбитраж (третейское разбирательство) (часть 1 статьи 1); при этом если данным Федеральным законом не предусмотрено иное, он распространяется как на арбитраж (третейское разбирательство), администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением, так и на арбитраж (третейское разбирательство), осуществляемый третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (часть 5 статьи 1).

Согласно указанному Федеральному закону арбитражем (третейским разбирательством) является процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения), а администрированием арбитража – выполнение постоянно действующим арбитражным учреждением (т.е. подразделением некоммерческой организации, выполняющим на постоянной основе

функции по администрированию арбитража) функций по организационному обеспечению арбитража, в том числе по обеспечению процедур выбора, назначения или отвода арбитров, ведению делопроизводства, организации сбора и распределения арбитражных сборов, за исключением непосредственно функций третейского суда по разрешению спора (пункты 2, 3 и 9 статьи 2). В силу данного Федерального закона постоянно действующее арбитражное учреждение создается, по общему правилу, при некоммерческой организации и получает право осуществлять свою деятельность (администрирование международного коммерческого арбитража и арбитража внутренних споров, а также выполнение отдельных функций по администрированию арбитража, в том числе функций по назначению арбитров, разрешению вопросов об отводах и о прекращении полномочий арбитров, при осуществлении арбитража третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора, без общего администрирования спора) при условии получения отвечающей установленным этим Федеральным законом требованиям некоммерческой организацией, при которой создано упомянутое учреждение, права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, предоставляемого актом уполномоченного федерального органа исполнительной власти (части 1, 4, 8, 13 и 18 статьи 44).

В свою очередь, третейский суд, образованный сторонами для разрешения конкретного спора, определяется Федеральным законом «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» как третейский суд, осуществляющий арбитраж при отсутствии администрирования со стороны постоянно действующего арбитражного учреждения (за исключением возможного выполнения постоянно действующим арбитражным учреждением отдельных функций по администрированию конкретного спора, если это предусмотрено соглашением сторон арбитража) (пункт 17 статьи 2). С этим согласуются и предписания части 19 статьи 44 данного Федерального закона,

предусматривающие право сторон поручить своим соглашением выполнение отдельных функций по администрированию арбитража, в том числе функций по назначению арбитров, разрешению вопросов об отводах и о прекращении полномочий арбитров, при осуществлении арбитража третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора, постоянно действующему арбитражному учреждению, правилами которого закреплено осуществление этих видов деятельности.

2.1. Положения части 20 статьи 44 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» запрещают лицам, не получившим в соответствии с названным Федеральным законом право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, выполнять отдельные функции по администрированию арбитража, а также рекламировать, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) публично предлагать выполнение функций по осуществлению арбитража, включая функции по осуществлению арбитража третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора. При этом формулировка, использованная законодателем для определения круга адресатов предусмотренных указанной нормой запретов, свидетельствует о том, что эти запреты распространяются как на не получившие право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения некоммерческие организации, так и на любых других субъектов, фактически осуществляющих функции постоянно действующих арбитражных учреждений, неправомерно подменяя их (в том числе на действующие таким образом третейские суды, образованные сторонами для разрешения конкретного спора).

Приведенное правовое регулирование не выходит за рамки дискреции законодателя, а также учитывает, что природа третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора, отлична от природы постоянно действующего арбитражного учреждения, притом что статус и предназначение последнего обуславливают установление для него

особых требований. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 30 ноября 2021 года № 2362-О подчеркнул, что в перечне этих требований предусматриваются репутация некоммерческой организации, масштаб и характер ее деятельности, ориентиром для оценки которых выступают такие критерии, как способность обеспечить высокий уровень организации деятельности постоянно действующего арбитражного учреждения, в том числе в части финансового обеспечения создания и деятельности соответствующего учреждения, а также осуществление указанной организацией деятельности, направленной на развитие арбитража в Российской Федерации. Данные требования с указанными критериями их оценки в совокупности с иными требованиями, которым должна отвечать некоммерческая организация (соответствие представленных правил постоянно действующего арбитражного учреждения требованиям закона, наличие рекомендованного списка арбитров, составленного в соответствии с законом, достоверность представленной информации о некоммерческой организации и ее учредителях (участниках), направлены на то, чтобы признавать право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения только за организациями, объективно способными к созданию и обеспечению деятельности таких арбитражных учреждений, которые в качестве институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями, во исполнение гарантий, закрепленных статьями 45 (часть 2) и 46 Конституции Российской Федерации, реально, а не мнимо могут стать для участников гражданско-правовых споров альтернативой государственным судам.

При этом, вопреки утверждениям заявителя, оспариваемые нормативные предписания не предполагают – ни сами по себе, ни по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – возложения обязанности приобрести статус постоянно действующего арбитражного учреждения на образованный сторонами для разрешения конкретного спора третейский суд, который с точки зрения действующего правового

регулируемые ни при каких обстоятельствах не имеет права самостоятельно осуществлять функции по организационному обеспечению арбитража (администрированию арбитража), возложенные в силу прямого указания Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» только на постоянно действующие арбитражные учреждения. Этим, однако, не исключается осуществление третейским судом *ad hoc* отдельных необходимых мероприятий, сопровождающих процесс разрешения им спора и принятия арбитражного решения (таких как, например, обмен документами, подбор помещения для проведения слушаний и т.п.), при условии, что они носят разовый характер и направлены исключительно на проведение третейского разбирательства в отношении конкретного спора, для разрешения которого сторонами и был образован этот третейский суд.

Выход же за рамки подобных мероприятий, свидетельствующий о фактической утрате таким судом характера третейского суда *ad hoc*, может быть признан нарушением запрета выполнения отдельных функций по администрированию арбитража лицам, не получившим в соответствии с Федеральным законом «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения. Из этого же исходит и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в пункте 50 постановления от 10 декабря 2019 года № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» разъяснил, что арбитражные решения, вынесенные в рамках арбитража, осуществляемого третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (*ad hoc*), с нарушением запрета, предусмотренного частью 20 статьи 44 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», считаются принятыми с нарушением процедуры, предусмотренной федеральным законом; указанные нарушения имеют место, если

формально третейский суд образуется для разрешения конкретного спора (*ad hoc*), однако в действительности он имеет признаки, свойственные институциональному арбитражу (например, объединение арбитров в коллегии или списки, формулирование собственных правил арбитража, выполнение одним и тем же лицом функций по содействию проведения третейских разбирательств с участием разных арбитров).

2.2. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 26 мая 2011 года № 10-П, от 3 октября 2023 года № 46-П и др.), в отличие от решений государственных судов свойством принудительной исполнимости решение третейского суда наделяется только после прохождения установленных процессуальным законодательством процедур получения исполнительного листа на его принудительное исполнение. Указанные процедуры предполагают проверку на предмет соответствия данного частноправового по своей природе акта тем требованиям, которые предъявляются законом для целей принудительного исполнения. Такая проверка осуществляется только судом общей юрисдикции или арбитражным судом в процедурах, установленных процессуальным законодательством для выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, и только если решение третейского суда не исполняется должником в добровольном порядке.

Процессуальное законодательство, регламентируя порядок выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, закрепляет случаи, в которых суд может отказать в его выдаче, если сторона третейского разбирательства, против которой вынесено решение третейского суда, представит доказательства того, что соответствующие случаи имели место (часть третья статьи 426 ГПК Российской Федерации и часть 3 статьи 239 АПК Российской Федерации), а также определяет основания для отказа в выдаче такого исполнительного листа, применяемые судом *ex officio*, и относит к ним, в частности, установление того, что приведение в исполнение решения третейского

суда противоречит публичному порядку Российской Федерации (пункт 2 части четвертой статьи 426 ГПК Российской Федерации и пункт 2 части 4 статьи 239 АПК Российской Федерации).

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что нарушение публичного порядка может быть установлено в случае посягательства не на любые элементы правопорядка в виде тех или иных норм материального и процессуального права, а лишь на основополагающие принципы регулирования материально-правовых и процессуальных отношений. При этом, во всяком случае, с учетом публично-правового значения деятельности третейских судов вывод о противоречии решения третейского суда публичному порядку должен быть мотивирован в определении государственного суда, который не вправе ограничиваться общим указанием на наличие такого нарушения (Постановление от 3 октября 2023 года № 46-П).

Тем самым части 1 и 20 статьи 44 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», рассматриваемые во взаимосвязи с регулирующими правилами выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда нормами процессуального законодательства, а также с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, не предполагают необоснованного признания третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора, фактически выполняющим в нарушение Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» функции по администрированию арбитража и не допускают произвольного отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения, принятого третейским судом *ad hoc*.

2.3. Таким образом, оспариваемые П.П.Каркачевым законоположения не могут рассматриваться как нарушающие его конституционные права в обозначенном им аспекте, а потому основания

для принятия Конституционным Судом Российской Федерации жалобы заявителя к рассмотрению отсутствуют.

Кроме того, квалификация отдельных мероприятий, осуществляемых при разрешении конкретного спора третейским судом *ad hoc*, в качестве администрирования такого арбитража связана с исследованием и оценкой фактических обстоятельств дела, что является прерогативой соответствующих судов и не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, определенную статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Этим не исключается право федерального законодателя в порядке совершенствования действующего правового регулирования внести в законодательство об арбитраже (третейском разбирательстве) изменения, касающиеся уточнения критериев, позволяющих с большей определенностью ограничивать действия, осуществление которых допускается самостоятельно третейским судом *ad hoc*, от действий, которые должны осуществляться постоянно действующим арбитражным учреждением (администрирование арбитража).

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 826-О